

Линь Сэнь не сдвинулся с места и, только «закончив со всеми делами», отложил нож. Он усадил Дун Чэна прямо себе на колени, уперся подбородком ему в плечо, опустил глаза и шепнул прямо на ухо:

— Я не могу удержать тебя. Даже если я насильно завладею этим телом, оно всё равно не станет тобой, верно?

Дун Чэн резко нахмурился, но ничего не ответил.

Линь Сэнь продолжил:

— Чу Цзинъи говорил мне, что такие трансмигранты вашего уровня уже прошли через множество миров. Скажи, неужели в твоих глазах я ничем не отличаюсь от людей из тех миров, через которые ты прошел?

Теплая жидкость упала на воротник Дун Чэна. Тот замер, а Линь Сэнь тихонько рассмеялся. В этом смехе не было ни капли радости — чистый звук, от которого становилось жутко, или, возможно, веяло какой-то неизбывной тоской.

— Наверное, всё-таки есть небольшая разница, — произнес он. — Ты помнишь ту драму, в которой мы снимались раньше?

Дун Чэн по-прежнему хранил молчание.

Линь Сэнь заговорил сам с собой:

— Я снова пересмотрел её и с каждым разом всё больше убеждался, каким же дураком я был. Тогда я всё видел слишком просто: мне казалось, что сановник уходит с достоинством, но я не понимал, что по своему характеру он давно уже воспринимал императора как самого близкого человека. Он держался с достоинством, испытывал боль и скорбь, и в то же время был бессилен. Неужели он действительно совсем не хотел оставаться рядом с императором?

Нет, хотел. Просто у него не было на это возможностей. Ты был прав насчет силы: если бы он прозрел раньше и обрел больше власти, финал, возможно, оказался бы совсем другим.

Но...

Слеза за слезой капали на пол — с той же скоростью, с какой капала кровь Дун Чэна. Они мгновенно пропитали кимоно Дун Чэна, и тяжелый запах крови окутал их обоих. Обнимавший его Линь Сэнь прижался подбородком к его макушке, и слезы, смешанные с густой липкой жидкостью, скатывались со лба и скользили по уголкам его глаз. Только тогда Дун Чэн понял, что это вовсе не слезы, это была кровь...

Руки Линь Сэня, обнимавшие его, постепенно слабели, а в голосе прорезалось едва сдерживаемое отчаяние:

— Что же мне теперь делать...

Он бросил любимое актерское ремесло, а роман с Хэ Тинвэем и тот фильм были лишь прикрытием, чтобы затуманить голову Дун Чэну.

Он использовал всё, что дал ему Дун Чэн, поставил всё на карту лишь для того, чтобы удержать хоть что-то из того, что было ему подвластно. Но разве этого хватало? Он — всего лишь один из бесчисленных персонажей в бесконечной череде миров, пройденных Дун Чэном, и его будущее, вся его жизнь уже были кем-то предрешены. Сколько бы он ни старался, сколь бы огромной властью ни обладал, он не мог изменить это правило и был обречен оставаться в этом мире, так и не сумев удержать Дун Чэна...

Я ведь вовсе... не могу до тебя дотянуться...

— Линь Сэнь!

В тот самый момент, когда рука Линь Сэня бессильно опустилась, дверь снаружи с грохотом распахнулась. Дун Чэн увидел юношу, который вечно смотрел на него с презрением: тот с перепуганным лицом влетел внутрь, но, заметив Дун Чэна и Линь Сэня, проявил хоть какую-то выдержку — не бросился рыдать, обхватив Линь Сэня, а немедленно велел пришедшим с ним врачам заняться их ранами.

И только тогда Дун Чэн заметил нож, торчавший в груди у Линь Сэня. Сердце в груди болезненно сжалось, и он попытался поднять ничего не чувствующую руку, но, как ни старался, не смог. В конце концов он лишь прижался щекой к мокрому от слез воротнику Линь Сэня и, прежде чем глаза закрылись, искренне подумал: люди — всё-таки до чего же хлопотные создания.

(Тяньцзинь)

17. Трехлинейный красавчик (часть 17)

Сегодня исполнялось ровно пятнадцать лет с тех пор, как Линь Сэнь пришел в киноиндустрию, и с самого утра Ду И позвонил ему, чтобы поздравить и пообещать роскошный подарок.

Тон Линь Сэня был бесцветным — по нему совершенно нельзя было понять, рад он или нет. Ду И это жутко раздражало: еще два года назад, если бы кто-то посмел разговаривать с ним в таком тоне, он бы, если и не сбил человека со света, то уж шкуру бы с него точно спустил.

Однако после того случая, произошедшего два года назад, Ду И стал гораздо снисходительнее

к Линь Сэню. И хотя ему ужасно не хотелось в этом признаваться, в смерти Дун Чэна была немалая доля его собственной вины.

Ду И до сих пор корил себя: если бы тогда он не поверил Линь Сэню на слово, решив, что между теми двумя просто недоразумение, и не помог организовать похищение Дун Чэна, возможно, Дун Чэн до сих пор бы живо и весело устраивал переполох за переполохом в доме семьи Хэ.

Но у прошлого не бывает сослагательного наклонения. Ду И молча вздохнул: теперь ему оставалось лишь хорошо относиться к Линь Сэню — человеку, которого Дун Чэн защищал до самого конца.

Место для празднования годовщины выбрал Хэ Тинвэй — в старом поместье семьи Хэ. Старый господин Хэ скончался вскоре после смерти Дун Чэна, и после этого поместье погрузилось в тишину. Пожалуй, за последние два года это был первый раз, когда в родовом гнезде царило такое оживление.

Ду И приехал очень рано и болтал с закадычным другом Линь Сэня, Чу Цзиньби. Они пересказывали с фильмов и сериалов на Дун Чэна. У Чу Цзиньби воспоминания об этом человеке были крайне смутными: он то ли видел его, то ли нет, а об отношениях Линь Сэня с ним знал исключительно со слов Ду И. Они продолжали беседовать, и лишь когда банкет перевалил за половину, главные виновники торжества наконец появились с опозданием.

Разумеется, вместе с ним запоздал и нынешний хозяин старого поместья семьи Хэ — Хэ Тинвэй.

Чу Цзиньби с бокалом в руке направился к ним, но, не успев даже произнести тост, замер, во все глаза уставившись на обоих. Шедший слева Ду И по одному его выражению понял, что дело пахнет керосином, и попытался оттащить парня назад, но было уже поздно. Чу Цзиньби выпалил бомбу немалой мощности:

— Погодите, на вас же только что совсем другие костюмы были, а? Эй, А-Вэй, а это тебя что, комары в шею кусали?

Лицо Хэ Тинвэя мгновенно залило густой краской, а окружающие тут же дружно зашумели и принялись подначивать парочку.

Второй молодой господин Хэ и Линь Сэнь состояли в отношениях — газеты писали об их романе еще несколько лет назад. Многие судачили, что ради Хэ Тинвэя Линь Сэнь забросил даже съемки, с головой уйдя в бизнес, и лишь изредка соглашался сняться в по-настоящему приглянувшемся сценарии, неизменно отказываясь от главных ролей. Если уж выстраивать рейтинги, то его статус едва ли дотягивал даже до тех времен, когда он еще не встретил Хэ Тинвэя — те же крепкие позиции актера третьего эшелона, не более.

Ду И только презрительно фыркал на этот счет: отказ Линь Сэня от съемок не имел ни малейшего отношения к Хэ Тинвэю, и уж кто-кто, а он-то знал об этом лучше всех.

Когда Линь Сэнь впервые заговорил о том, чтобы оставить актерскую карьеру, Ду И отговаривал его самым первым.

Тогда Линь Сэнь ответил ему, что после тех давних скандалов наверху закрутили гайки: если он снова возьмет главную роль, фильм наверняка зарубят на этапе цензуры, точь-в-точь как ту картину, которой так и не суждено было выйти на экраны.

Ду И посчитал это пустяком: если бы он сам настоял на прокате того фильма, много ли нашлось бы смельчаков, рискнувших перекрыть ему дорогу? Но он не мог сказать этого Линь Сэню, иначе пришлось бы выдать всю правду об их с Дун Чэном афере.

На второй и третий разы, когда Линь Сэнь отговаривался теми же отговорками, Ду И вышел из себя. Он лично свел ответственных за цензуру лиц с Линь Сэнем и заставил тех поклясться, что его следующий фильм одобряют без вопросов. Однако на этот раз Линь Сэнь заявил, что его актерские навыки ухудшились и он больше не потянет столь ответственную задачу.

Ду И разъярился. Попридержав гнев до окончания банкета, он зажал Линь Сэня в туалете и потребовал объяснить, что всё это значит.

Только тогда Линь Сэнь высказал то, что у него наболело:

— Дун Чэн был прав тогда: без силы невозможно удержать ничего. Мне кажется, что сейчас у меня есть всё, но на самом деле всё это принадлежит кому-то другому, и у меня попросту нет времени думать о личных увлечениях.

Разговор касался Дун Чэна, так что Ду И пришлось проглотить весь свой накопившийся ропот. Тяжело вздохнув, он бросил:

— Делай что хочешь.

Кто бы мог подумать, что это линьсэневское «делай что хочешь» в итоге выльется в его союз с Хэ Тинвэем.

По правде говоря, Ду И давным-давно знал, что Хэ Тинвэй неравнодушен к Линь Сэню. Хэ Тинвэй был чересчур прямолинеен и даже не пытался скрыть своих чувств — это Линь Сэнь был слеп ко всему, кроме Дун Чэна, и в упор не замечал искренней преданности своего верного друга.

Впрочем, тогда Ду И дружил с Дун Чэном, а тот состоял в тех самых отношениях с Линь Сэнем. У самого Ду И в семье росли сводные братья и сестры от отцовских любовниц, поэтому он

терпеть не мог вторжение третьих лиц. К счастью, Хэ Тинвэй вел себя достаточно разумно: в душе онх сох по Линь Сэню, но никогда не позволял себе ничего лишнего.

Снимки из постели не в счет — это подстроил сам Дун Чэн.

А потом Линь Сэнь похитил Дун Чэна. Тот был привязан к стулу, словно цыпленок, и истекал кровью. Сам Линь Сэнь тогда тоже висел на волосок от смерти — по дороге в реанимацию его сердце останавливалось дважды. А вот Дун Чэн, к моменту когда они ворвались внутрь, еще держался неплохо, но в больнице вдруг начал угасать. Ухватив Ду И за руку, он прошептал: «Не трогай Хэ Тинвэя».

Ду И тогда просто лишился дар речи. Годами прокручивая в голове сценарии, он автоматически домыслил классический кровавый любовный треугольник: я люблю тебя, ты любишь его, он любит мою собаку. И ведь если вдуматься в логику, чёрт побери, всё сходилось! Как он сам раньше до этого не додумался?

К счастью, бледная-бледная рука Дун Чэна легла на его ладонь, вовремя вернув его из мира фантазий. Словно догадавшись, что без веской причины Ду И палец о палец не ударит, тот произнес: «Если Линь Сэнь захочет выжить, он сделает всё, чтобы жить лучшей жизнью».

Будь то в быту или в чувствах. Разумеется, это вовсе не обязательно должен был быть Хэ Тинвэй — просто Дун Чэн хотел оставить Линь Сэню побольше вариантов выбора.

Это было редкое проявление доброты со стороны Дун Чэна, но Ду И тогда решил, что разглядел саму суть его души. Он разрыдался в три ручья, схватил его за руку и пообещал, что непременно позаботится о Линь Сэне вместо него.

Когда Линь Сэнь пришел в себя, Дун Чэна уже не было.

Как ни странно, Линь Сэнь не рвал на себе волосы и не посыпал голову пеплом. Он очень хладнокровно принял эту новость, после чего стал вовремя есть, вовремя спать и с головой ушел в работу, демонстрируя наилучшую форму. Спустя год он сошелся с Хэ Тинвэем.

Конечно, Ду И посещали мысли: а вдруг Линь Сэнь, вовсе не будучи человеком бездушным, так быстро переключился потому, что подсознательно видел в Хэ Тинвэе замену Дун Чэну? В конце концов, если не считать лица, характеры обоих в определенные моменты бывали до жути похожи.

Эти раздумья не отпускали Ду И до тех пор, пока полгода назад он не согласился помочь другу снять короткометражный фильм.

Это была простая история о безответной любви. Со школьных времен главный герой молча охранял возлюбленную, не приближаясь к ней, лишь издали наблюдая и любясь теми

прекрасными качествами, которыми он сам её наделял. Так продолжалось, пока девушка не вышла замуж и не обзавелась детьми, а герой не женился на другой женщине. В финале фильма жена спрашивает его:

— Ты ведь всё ещё любишь её?

На что герой отвечает:

— Нет, я никогда не любил её. Я любил лишь собственную фантазию о ней.

Получив этот сценарий, Ду И почувствовал себя так, будто его ударили под дых, но поскольку режиссер был его хорошим знакомым, пришлось скрепя сердце браться за съемки. В день, когда снимали эту сцену, на площадку заглянули Чу Цзинъи, притащивший с собой Хэ Тинвэя и Линь Сэня. После реплик главного героя Хэ Тинвэй тихо спросил Линь Сэня:

— Ты ведь всё ещё любишь его?

Ду И тут же наострил уши. Линь Сэнь не стал увиливать от ответа и сказал:

— Мы с ним не совсем похожи.

Он имел в виду главного героя из фильма. С этим Ду И был полностью согласен: тот герой палец о палец не ударил, а Линь Сэнь ведь ради своего возлюбленного пошел на похищение и едва не устроил парное самоубийство! Затем Линь Сэнь обнял Хэ Тинвэя за плечи и произнес:

— Раз уж тогда я решил жить, я непременно буду жить лучшей жизнью.

Будь то в быту или в чувствах.

Тогда Ду И наконец отпустило.

Но сейчас, глядя на окруженную толпой гостей и ослепляющую своей идиллией парочку, Ду И снова почувствовал, как несправедливо всё это по отношению к Дун Чэну. Перехватив у официанта бокал, он залпом осушил больше половины, но легче на душе не стало. Дернув воротник рубашки, он решил выйти на балкон подышать свежим воздухом — иначе он не ручался, что в один прекрасный момент сорвется, подбежит к этой парочке гомосексуалистов и разорвет их на куски.

Не успел Ду И сделать и шага, как в него кто-то врезался. В руке у того человека был небольшой кусочек торта, и хотя Ду И отличался завидной ловкостью, испачкать рукав ему всё же не удалось избежать. Настроение у Ду И и без того было паршивым, и он без колебаний решил сорвать злость.

— Ты что творишь... Дун Чэн?!

Гнев еще горел на лице, но глаза Ду И уже были полны крайнего изумления. Он схватил человека, который принялся наперебой извиняться:

— Ты что, чёрт побери, не умер?! Тебе весело так надо мной шутить?

Тот явно перепугался и попытался вырваться из его хватки, но Ду И держал слишком крепко, и все попытки были тщетны.

К счастью, подошел Линь Сэнь. Убрав руку с плеча Хэ Тинвэя, он подошел к ним и бросил Ду И:

— Он не Дун Чэн. Пойдем поговорим снаружи.

Ду И переволновался: переводя взгляд с Линь Сэня на человека, который то и дело оглядывался на них, он наконец отпустил руку лже-Дун Чэна и широкими шагами последовал за Линь Сэнем прочь из приемного зала.

Особняк семьи Хэ был не слишком велик, но выстроен изысканно и со вкусом: извилистые мостики над ручьями в саду, пышная зелень и цветы — здесь было всё. Отойдя в относительно уединенное место, где редко кто появлялся, Ду И заговорил:

— Выкладывай, что здесь происходит? И только посри мне заявить, что он не Дун Чэн! Я знаю Дун Чэна так хорошо, что мне известны все родинки на его лице — тот парень только что был точной его копией!

Линь Сэнь не стал отпираться.

— Да, — спокойно произнес он. — Он и есть Дун Чэн.

В ярости Ду И подался вперед и вцепился в воротник Линь Сэня:

— Какого чёрта ты творишь?! Дун Чэн жив, а ты крутишь шашни со вторым молодым господином Хэ!

Линь Сэнь на мгновение замер от резкого рывка, а затем на его лице промелькнула горькая усмешка:

— Он жив. Только я ему больше не нужен.

Ду И ничего не понял.

Линь Сэнь взял себя в руки и отлепил пальцы Ду И от своего воротника:

— Он потерял память и ничего не помнит. Хэ Тинвэй пообещал мне, что не станет его обижать. Теперь он — самый обычный человек, так что не лезь к нему.

— Твою мать! Потерял память — значит, не нужен?! Это что еще за логика такая?!

Линь Сэнь долго молчал, и разъяренный Ду И ушел.

Линь Сэнь остался стоять на месте, а в голове у него всплывало то воспоминание, к которому ему меньше всего на свете хотелось возвращаться.

В тот день он только-только очнулся от наркоза. Дун Чэн стоял у его кровати и смотрел на него взглядом, в котором не было ни капли тепла — так смотрят на постороннюю вещь.

— Я ухожу, — произнул он. — Подумал тут и решил, что всё-таки должен с тобой попрощаться.

Линь Сэнь еще не мог говорить. Он мог лишь лежать неподвижно и во все глаза смотреть, как Дун Чэн уходит, будучи не в силах сделать хоть что-то.

В тот же день его снова увезли в реанимацию. Позже Хэ Тинвэй рассказывал, что его сердце останавливалось на очень долгое время, и хотя врачи уже опустили руки, он все же выкарабкался.

Хэ Тинвэй тогда полушутя спросил:

— Ты что, встретил какого-то великого небожителя, который тебя не принял, вот ты и вернулся?

Линь Сэнь ответил предельно честно:

— Никаких небожителей я не встречал. Я видел Дун Чэна.

В тот момент, когда его жизнь обрывалась, сознание парило где-то в вышине. В затуманенном поле зрения, помимо суетившихся врачей, проступила еще одна фигура. Очертания человека были нечеткими, но он стоял перед ним совершенно отчетливо, и первой мыслью Линь Сэня было недоумение: разве он не должен был уйти?

И тогда он услышал голос Дун Чэна:

— И вот так просто умер? А я-то думал, из тебя выйдет что-то стоящее. Зря потратил на тебя время.

Линь Сэнь хотел было возразить, но обнаружил, что не может произнести ни звука. В этот миг фигура Дун Чэна постепенно обрела четкость: перед ним стоял мужчина примерно его роста, с дерзким и благородным лицом. Чуть приподняв подбородок, тот бросил короткий взгляд в его сторону — яркие глаза, в которых, однако, не отражалось его собственное лицо. Это было точно-точно то выражение, которое Линь Сэнь бесчисленное количество раз видел во сне на лице Дун Чэна в том самом сериале.

Только вот когда реальность и сновидение слились воедино, он понял, что на деле всё обстоит именно так. Его сердце отчаянно болело, но одновременно с этим в нем рождалось кристальное понимание: он действительно никуда не годится, раз готов умирать из-за человека, который, возможно, никогда и не ставил его ни во что.

В этот самый момент кто-то из врачей изумленно вскричал, что у пациента восстановился пульс.

Линь Сэнь посмотрел туда, где стоял Дун Чэн: уголки губ того изогнулись в легкой улыбке, словно он забавлялся.

Пронизывающая до костей скорбь мгновенно опутала сердце, причиняя такую боль, что его затрясло от кончиков пальцев до макушки, и потоки неудержимых слез покатались по щекам.

Я ведь всё равно отличаюсь для тебя от остальных, правда?

Линь Сэнь не знал, сколько простоял в саду. Лишь когда капли дождя застучали всё чаще, а промокшая одежда прилипла к телу, принося с собой волны холода, он смутно припомнил, что в доме все еще полно гостей, которых нужно принимать. Торопливо развернувшись, он хотел было вернуться, но замер на месте, ошеломленно уставившись на человека перед собой:

— Ты как давно здесь стоишь?

Хэ Тинвэй откинул со лба насквозь промокшие пряди, широко улыбнулся и сказал:

— Пошел дождь, пойдем в дом.

(Тяньцзинь)

18. Легенда о Боге Зверей (часть 1)

Доклад: на Южной улице снова произошло убийство.

Он поднял голову и посмотрел на стоявшего перед ним человека. В его темно-синих глазах нельзя было прочесть ни единой эмоции:

— На этот раз где?

Из-за непредвиденной накладки в предыдущем мире он добрался до этого места почти на месяц позже другого transmigrатора. Он еще не успел узнать сюжет у Хайбао и лишь бегло пролистал дневник прежнего владельца тела, из которого следовало, что в последнее время здесь произошло немало убийств. Почерк преступника везде был примерно одинаковым: сначала он истязал жертву, а перед самой смертью вырезал у нее какой-нибудь орган. Судя по всему, этот раз не должен был стать исключением.

И точно — человек напротив опустил голову, почтительно протягивая ему отчет о вскрытии, и доложил:

— На этот раз — глаза, а еще...

Прибывший не успел договорить, как он перехватил протянутый документ и углубился в чтение.

Тело обнаружили на вполне оживленной улочке, вокруг было полно жилых домов, в одном из которых жил и сам погибший. Судя по результатам осмотра места преступления и оставленным на теле следам увечий, судмедэксперт предположил: жертву заставили собственными руками выковырять себе глаза, причем находилась она при этом в полном сознании.

Заставить человека самостоятельно вырвать собственные глаза и раздробить гениталии... Подвергнувшись столь жестоким пыткам, несчастный умирал, и никто вокруг до самого конца ничего не заметил.

Он быстро сообразил, что мир этот вовсе не так прост. Отложив отчет в сторону, он посмотрел на собеседника:

— У погибшего были враги?

— Врагов полно, но вот среди одаренных... — собеседник замялся. — Перед смертью он повздорил с работником в каком-то кабачке, и в тот же вечер хозяин заведения отвел его к старому Блейку на окраину города. К тому же погибший когда-то покушался на Идена, но вы тогда его спасли. И, как вы знаете, Иден... он немного отличается от обычных людей...

Не имея ни малейшего представления об устройстве этого мира, он слушал всё это с совершенно одурманенной головой. Сделав вид, что всё понимает, он кивнул, давая понять, что ему требуется тишина для размышлений, и махнул рукой, отпуская подчиненного.

В этот момент из-под стола вылезла та самая хайбао и переслала информацию об этом мире на терминал, надетый у него на запястье. Прежде чем он успел открыть файлы, хайбао вставила реплику:

— Это мировая линия boys' love. Видимо, в прошлом мире ты случайно позволил главному герою выйти на BL-ветку, поэтому Система напрямую перебросила тебя сюда.

Он бросил на хайбао короткий взгляд, затем снова опустил глаза на терминал и небрежно бросил:

— Какая разница, что за мир.

Хайбао:

— ...Ну ладно, читай давай.

Этот мир несколько отличался от предыдущего: как концепция мироустройства, так и любовные линии главных героев были куда сложнее. Почитав немного, он брезгливо поморщился, взял умную ручку и принялся набрасывать в терминале структуру сюжета.

Прежде всего, устройство мира: люди в месте, где они сейчас находились, в основном делились на две категории — одаренные и обычные люди.

<http://bllate.org/book/22131/2305794>